

«САХАЛИНСКИЕ» МОТИВЫ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «УБИЙСТВО»

В статье сопоставляются рассказ «Убийство» и книга очерков «Остров Сахалин» А.П.Чехова на наличие «сахалинских» мотивов и натуралистических тенденций, обосновывается связь этих произведений на сюжетно-композиционном и идейно-тематическом уровнях, а также доказывается, что в «Острове Сахалин» обозначается новое качество поэтики, которое проявляется в послесахалинских произведениях писателя.

Ключевые слова: очерковость, документализм, ценность человеческой личности, натуралистические приемы и средства.

Исследователями уже предприняты попытки доказательства связи «Острова Сахалин» с последующей художественной прозой Чехова на сюжетно-композиционном и идейно-тематическом уровнях. Как «сахалинские» ученые рассматривают такие рассказы, как «Гусев» (1890), «Палата №6», «Бабы» (1891), «Страх» (1892), «В ссылке» (1892), «Мужики» (1895), «В овраге» (1900), и другие, в которых можно проследить каторжные, сахалинские впечатления Чехова. Интересным и ценным является предположение исследователей о возможности объединения в цикл сахалинских рассказов [1–3]. Мы считаем, что эта точка зрения верна, ведь сам Чехов написанные отдельно (и в разное время) произведения – «Палата №6» (1892), «Бабы» (1891), «Страх» (1892), «Гусев» (1890) – объединил в сборник, дав общее название – «Палата №6».

Н.Н. Соболевская справедливо отмечает, что термин «цикл» можно применять к сборнику «Палата №6» только с оговорками. «Отдельно написанные произведения были позже объединены писателем в сборник под общим заглавием. Но дальнейшая судьба этого сборника-цикла свидетельствует о том, что мы вправе рассматривать его как цельную, законченную структуру, воспринимаемую так и самим автором (сборник «Палата №6» без изменений переиздавался семь раз и полностью был включен в шестой том собрания сочинений, содержание и подборка томов которого тщательно редактировались самим Чеховым)» [3: 48].

К настоящему времени в достаточной степени проанализирована и поэтика «сахалинских» рассказов. Особенно интересны и ценны работы таких исследователей, как М.П. Громов [4], В.Б. Катаев [5], В.Я. Линков [6], М.Л. Семанова [7], Н.Н. Соболевская [3], И.Н. Сухих [8],

В.И. Тюпа [9], Л.М. Цилевич [10], А.П. Чудаков [11], и других.

В 1970–1980-е годы XX века для большинства чеховедов была актуальна полемика о влиянии сахалинской поездки Чехова на творчество писателя. Одни исследователи отмечали сахалинские мотивы в повествовательном творчестве Чехова [3, 12–15]. Другие считали, что Сахалин не изменил мировоззрения писателя и его творческой манеры, не стал для него границей между творчеством «до Сахалина» и «после Сахалина» [16–17].

Например, исследователь И.А. Гурвич считает, что «в связи с Сахалином следует говорить не о «существенных изменениях» в настроении и миропонимании Чехова, а об укреплении того взгляда на действительность, который сложился у писателя к концу 80-х годов» [16: 10]. А.М. Турков также считает, что большого влияния на взгляды писателя поездка на Сахалин не оказала: «Все увиденное на Сахалине не было для Чехова совершенным откровением... Можно сказать, что он предпринял свое путешествие, чтобы увидеть крайнее выражение тех явлений, которые мог наблюдать, никуда не выезжая из Москвы» [17: 150].

Эти мнения ученых напоминают высказывание известного беллетриста, современника и друга Чехова, И.Н. Потапенко, который отмечал, что «результатом этого удивительного путешествия была книга, которая, несомненно, стояла ниже всего остального, написанного им, и едва ли вплела лавры в его венок <...> А впечатления? Где в произведениях его, написанных после поездки на Сахалин, встречаются отголоски тех впечатлений? По крайней мере, я, проведший с ним немало дней, ни разу не слышал от него ни единого рассказа из того мира. Все, что он получил там, он как будто сдал в свою книгу и забыл» [18: 338].

Этот вопрос о влиянии сахалинской поездки на творчество Чехова актуален, хотя сомневаться в том, что сахалинский «голос» так или иначе слышен во всем последующем творчестве писателя, не приходится, ведь известно теперь уже почти хрестоматийное высказывание Чехова на этот счет: «А ведь, кажется, все просахалинено» [19: 111]. Эти слова Чехова сказаны, видимо, не без чувства досады в ответ на непонимание тесной связи сахалинской книги и других его произведений. Скорее всего, Чехов напоминал о том, что было уже сделано: опубликовано до поездки на Сахалин, во время ее и после. Во время создания книги «Остров Сахалин» были написаны документальные корреспонденции о судебных процессах, очерки, рассказы, местом действия которых были тюрьмы, дороги в ссылку, на каторгу, залы суда. Объектом его внимания был не только материал, тематически близкий к сахалинскому, но и похожие ситуации и мотивы. В этом неологизме – «просахалинено» – явно присутствует нечто большее, чем просто указание на сахалинские темы, сюжеты, мотивы. Смысл его – в наиболее дорогих автору мыслях и идеях, главной из которых является необходимость сохранения вечной ценности – свободы «во всех ее проявлениях».

В этом смысле, безусловно, «просахалинены» рассказы «Гусев» (1890), «Палата №6», «Бабы» (1891), «Страх» (1892), «В ссылке» (1892), «Мужики» (1895), «В овраге» (1900), а также, мы считаем, рассказ «Убийство» (1891), что и попытаемся доказать в нашей статье.

«Несомненно, что сама тема для рассказа «Убийство» привезена Антоном Павловичем из Сахалина», – писал М.П. Чехов [20: 125].

В главе VIII книги «Остров Сахалин» Чехов говорит о сосланных за убийство. Чехов обращает внимание на преступника по фамилии Терехов. Есть и еще сходство с героем рассказа – возраст и внешность. Сахалинский Терехов заманивает и зверски убивает арестантов, «какие побогаче», так что более ничего общего у него и однофамильца из рассказа нет: «Один седой старик лет 60–65, по фамилии Терехов, сидящий в темном карцере, произвел на меня впечатление настоящего злодея. Накануне моего приезда он был наказан плетьюми и, когда у нас зашла речь об этом, показал мне свои ягодицы, сине-багровые от кровоподтеков. По рассказам арестантов, этот старик убил на сво-

ем веку 60 человек; у него будто бы такая манера: он высматривает арестантов-новичков, какие побогаче, и сманивает их бежать вместе, потом в тайге убивает их и грабит, а чтобы скрыть следы преступления, режет трупы на части и бросает в реку» [21, т. 14–15: 132].

В «Именном списке ссыльнокаторжных Александровского округа, состоящих к 1 января 1890 г.» есть упоминание о Михаиле и Федоре Тереховых (Центральный гос. архив РСФСР Дальнего Востока. Томск) [21, т. 7:48]. В деле «Об утверждении и приведении в исполнение приговоров окружного суда и полицейского управления» за 1890 г. есть запись о наказании Федора Терехова «за однодневную отлучку, продолжавшуюся с 1-го по 2-е марта с.г., и сопротивление законной власти при исполнении служебных обязанностей». Федор Терехов был наказан двадцатью ударами плетей (чеховский же герой – сорока ударами) [21, т. 7: 48]. Чехов наблюдал в Дуэ наказание плетьюми за попытки побегов с каторги: «Палач стоит сбоку и бьет так, что плеть ложится поперек тела. После каждых пяти ударов он медленно переходит на другую сторону и дает отдохнуть полминуты. У Прохорова волосы прилипли ко лбу, шея надулась; уже после 5–10 ударов тело, покрытое рубцами еще от прежних плетей, побагровело, посинело; кожа лопается на нем от каждого удара [21, т. 14–15: 337].

В примечаниях к Полному собранию сочинений Чехова в 30 томах отмечается, что в главе VII рассказа «Убийство» – множество и других соответствий реальным фактам, которые были освещены Чеховым в «Острове Сахалин». Например, характеристика Воеводской тюрьмы.

В «Убийстве»: «Из Воеводской тюрьмы, самой неприглядной и суровой из всех сахалинских тюрем, погнали в рудник партию арестантов» [21, т. 9: 158].

В «Острове Сахалин»: «В это же утро я был в Воеводской тюрьме. <...> В настоящее время из всех сахалинских тюрем это самая безобразная, которая уцелела от реформ вполне, так что может служить точною иллюстрацией к описаниям старых порядков и старых тюрем, возбуждавших когда-то в очевидцах омерзение и ужас» [21, т. 14–15: 140].

Или изображение труда каторжников.

В «Убийстве»: «Предстояло нагружать углем баржи, затем тащить их на буксире парового катера к борту парохода, который стоял более

чем в полуверсте от берега, и там должна была начаться перегрузка – мучительная работа, когда баржу бьет о пароход и рабочие едва держатся на ногах от морской болезни. Каторжные, только что поднятые с постелей, сонные, шли по берегу, спотыкаясь в потемках и звеня кандалами. Налево был едва виден высокий крутой берег, чрезвычайно мрачный, а направо была сплошная, беспросветная тьма, в которой стонало море, издавая протяжный, однообразный звук: «а... а... а... а...», и только когда надзиратель закуривал трубку и при этом мельком освещался конвойный с ружьем и два-три ближайших арестанта с грубыми лицами, или когда он подходил с фонарем близко к воде, то можно было разглядеть белые гребни передних волн» [21, т. 9: 158–159].

В «Острове Сахалин»: «Имеются два рудника: старый и новый. Каторжные работают в новом; тут вышина угольного пласта около 2 аршин, ширина коридоров такая же; расстояние от выхода до места, где теперь происходит разработка, равняется 150 саж. Рабочий с санками, которые весят пуд, взбирается ползком вверх темным и сырым коридором: это самая тяжкая часть работы; потом, нагрузив сани углем, возвращается назад. У выхода уголь нагружается в вагонетки и по рельсам доставляется в склады. Каждый каторжный должен подняться вверх с санками не менее 13 раз в день – в этом заключается урок. В 1889–90 г. каждый каторжный добывал, в среднем, 10,8 п. в день, на 4,2 пуда менее нормы, установленной рудничною администрацией. В общем производительность рудника и рудничных каторжных работ невелика: она колеблется между 1, 1/2 и 3 тыс. пудов в день» [21, т. 14–15: 138].

А также упоминание заболеваний ностальгией.

В «Убийстве»: «В этой партии находился Яков Иваныч, прозванный на каторге Веником за свою длинную бороду. По имени и отчеству его давно уже никто не величал, а звали просто Яшкой. Был он здесь на плохом счету, так как месяца через три по прибытии на каторгу, чувствуя сильную, непобедимую тоску по родине, он поддался искушению и бежал, а его скоро поймали, присудили к бессрочной каторге и дали ему сорок плетей; потом его еще два раза наказывали розгами за растрату казенного платья, хотя это платье в оба раза было у него украдено. Тоска по родине началась у него с тех са-

мых пор, как его везли в Одессу и арестантский поезд остановился ночью на Прогонной, и Яков, припав к окну, старался увидеть родной двор и ничего не увидел впотьмах» [21, т. 9: 159].

В «Острове Сахалин»: «Причиной, побуждающею преступника искать спасения в бегах, а не в труде и не в покаянии, служит главным образом не засыпающее в нем сознание жизни. Если он не философ, которому везде и при всех обстоятельствах живется одинаково хорошо, то не хотеть бежать он не может и не должен. Прежде всего ссыльного гонит из Сахалина его страстная любовь к родине. Послушать каторжных, то какое счастье, какая радость жить у себя на родине! О Сахалине, о здешней земле, людях, деревьях, о климате говорят с презрительным смехом, отвращением и досадой, а в России всё прекрасно и упоительно; самая смелая мысль не может допустить, чтобы в России могли быть несчастные люди, так как жить где-нибудь в Тульской или Курской губернии, видеть каждый день избы, дышать русским воздухом само по себе есть уже высшее счастье. Пошли, боже, нужду, болезни, слепоту, немоту и срам от людей, но только приведи помереть дома» [21, т. 14–15: 343–344].

Прозвища Веник и Яшка, которые получил Яков Иваныч на Сахалине, судьба Дашутки, отданной в сожительницы, похожая на судьбы сотен тысяч ссыльных женщин – все это реальные нравы сахалинской каторги («<...> когда прибывает партия женщин в Александровск, то ее прежде всего торжественно ведут с пристани в тюрьму. Женщины, согнувшись под тяжестью узлов и котомок, плетутся по шоссе, вялые, еще не пришедшие в себя от морской болезни, а за ними, как на ярмарке за комедиантами, идут целые толпы баб, мужиков, ребятишек и лиц, причастных к канцеляриям. Мужики-поселенцы идут за толпой с честными, простыми мыслями: им нужна хозяйка. Бабы смотрят, нет ли в новой партии землячек. Писарям же и надзирателям нужны «девочки». Это обыкновенно происходит перед вечером. Женщин запирают на ночь в камере, заранее для того приготовленной, и потом всю ночь в тюрьме и в посту идут разговоры о новой партии, о прелестях семейной жизни, о невозможности вести хозяйство без бабы и т. п. В первые же сутки, пока еще пароход не ушел в Корсаковск, происходит распределение вновь прибывших женщин по округам. Распределяют александровские чиновники, и потому округ их получает львиную долю в

смысле и количества и качества; немного поменьше в похуже получает ближайший округ – Тымовский», [21, т. 14–15: 247–248]). Чехов все это видел лично. И изображение «досахалинской» судьбы героев также связано с сахалинскими впечатлениями – темные картины провинциальной жизни, где рождается страшный грех братоубийства. Убийство, происшедшее в семье, во время скандала, очень напоминает «бытовые» преступления, которые привели на каторгу многих из тех, кого видел и чьи истории слышал Чехов. На религиозной теме рассказа «Убийство» также лежит сахалинский отпечаток. Это ярко видно в том, как разрешается в финале религиозный конфликт в душе Якова Терехова. В XIX главе книги «Острова Сахалин» Чехов приводит слова епископа Гурия, который посетил корсаковскую церковь: «Если не во всех у них (ссылных. – О.П.) имеются вера и раскаяние, то, во всяком случае, у многих, не что иное, а именно чувство раскаяния и вера заставляли их горько плакать, когда я поучал их <...>» [21, т. 14–15: 300]. Возможно, главной причиной отхода братьев Тереховых от официальной церкви становится ханжество церковных служителей, часто живущих за счет прихожан.

Интересны высказывания Чехова на этот счет (по воспоминаниям С.Н. Щукина): «Жаль, что у нас нет сатиры на духовенство. Салтыков не любил духовенства, но сатиры на него не дал. А жаль. Мы кричим, что у нас вера крепка, что народ более религиозен, чем в других странах. Но где помогающая, деятельная сила церкви? В деревнях пьянство, невежество, сифилис <...> сыновья священников иногда учат деревню разврату» [22: 50–51]. И во время путешествия на Сахалин Чехов не раз сталкивался с такими церковниками, которые возмущают религиозное чувство братьев Тереховых (строки о священниках на Амуре в I главе книги «Остров Сахалин»).

Таким образом, можно сказать, что в основе рассказа «Убийство» лежат реальные события, факты, как и в основе книги «Остров Сахалин». Можно говорить о документальной основе произведения, об очерковости, а следовательно, о документализме (здесь и далее выделено мной. – О.П.).

После выхода рассказа в «Русской мысли» (№11) в 1895 году споры критиков в основном развернулись не вокруг поэтики рассказа, а вокруг отношения Чехова к народу, интеллиген-

ции и религии. А.М. Скабичевский, рассматривая сцену убийства, размышлял о социальных контрастах России – о дикости и отсталости народа, находящегося рядом с цивилизацией и культурой: «Сколько еще нужно труда, чтобы пробить эту дикущую чащу невежества и сделать хоть сколько-нибудь похожими на людей этих обросших дубовой корою чудовищ!» [23].

Ю. Николаев (Говоруха-Отрок) написал по поводу рассказа две статьи. В первой он отмечал, что Чехов прекрасно справился с религиозной темой, новой для него, и как художественное достижение отметил тон «жесточкой правдивости» в изображении ссоры братьев и убийства Матвея [24]. В другой статье [25] Ю. Николаев язвительно заметил на отзыв Скабичевского, что в петербургской газете хвалят рассказ не за художественное достоинство, а за тенденцию, которую навязывают Чехову, – за критику им невежества народа. Автор отмечал, что «если такой вовсе не исключительный <...> человек из народа, как Яков, нашел в себе столько душевной силы, чтобы нести тяжкий крест свой, – как велик должен быть этот народ, среди которого он жил и воспитался, духом которого он проникся...»

Р.И. Сементковский в статье «Что нового в литературе? Критические очерки» очень верно отмечал, что Чехов пишет о бедах всего русского народа, что «<...> в рассказе г. Чехова вера является насущным хлебом, якорем спасения для людей, окутанных мраком невежества, лишенных всякой возможности запастись где-нибудь лучом света и тем не менее чувствующих, что они люди, что им доступны потребности духа» [26, стлб. 173].

Были и отрицательные отзывы. Например, М. Полтавский (М.И. Дубинский) посчитал, что Чехов не справился с психологической задачей – изображением возрождения преступника на каторге: «Как же это так: все не знал, не знал истинного бога, а тут вдруг познал и захотел даже вразумлять других? Окончание является совсем туманным и не развитым <...>». Критик решил, что по сравнению с Толстым и Достоевским в такой перемене героя Чехов не дал ничего нового и вообще не оправдал возлагаемых на него надежд [27]. Грех «Убийства» назвал «невольным грехом» Чехова Л.Г. Мунштейн и звал писателя вернуться к прежнему «бодрому смеху» [28].

Таким образом, рассказ «Убийство» был осознан как серьезная, полная глубокого трагизма, подлинно сахалинская вещь Чехова не

всеми критиками. Но все же большинство из них отмечали и религиозную глубину рассказа, и «тон жестокой правдивости» (Говоруха-Отрок).

К натуралистическим тенденциям повести можно отнести натуралистические подробности в описаниях, сценах и портретах персонажей. Таких деталей в рассказе «Убийство» довольно много: «<...> Дашутка ходила за ним по грязному снегу, босая, с красными, как у гусыни, ногами <...>, работник не понимал ее, и очевидно, она надоела ему, так как он вдруг обернулся и выбранил ее нехорошими словами. Яков Иваныч, вышедший в это время во двор, слышал, как Дашутка ответила работнику скороговоркой длиною, отборною бранью, которой она могла научиться только в трактире у пьяных мужиков» [21, т. 9: 150].

По-натуралистически подробно выписана и сцена убийства Матвея:

«<...> она вскрикнула, схватила бутылку с постным маслом и изо всей силы ударила ею ненавистного брата прямо по темени. Матвей пошатнулся, и лицо его в одно мгновение стало спокойным, равнодушным; Яков, тяжело дыша, возбужденный и испытывая удовольствие оттого, что бутылка, ударившись о голову, крикнула, как живая, не давал ему упасть и несколько раз (это он помнил очень хорошо) указал Аглае пальцем на утюг, и только когда полилась по его рукам кровь и послышался громкий плач Дашутки, и когда с шумом упала гладильная доска и на нее грузно повалился Матвей, Яков перестал чувствовать злобу и понял, что произошло» [21, т. 9: 153].

«– Пусть издыхает, заводский жеребец! – с отвращением проговорила Аглая, не выпуская из рук утюга; белый, забрызганный кровью платочек сполз у нее на плечи, и седые волосы распустились. – Туда ему и дорога!» [21, т. 9: 153].

Натуралистические детали подчеркивают ужас произошедшего, сочетая несочетаемое – «картофель – кровь»: «Но ничто не было так страшно для Якова, как вареный картофель в крови, на который он боялся наступить <...>» [21, т. 9: 154].

Встречающееся несколько раз скрытое натуралистическое противопоставление люди – свиньи можно вновь рассматривать как стремление Чехова показать позитивистский образ «человека-зверя»:

«Постоялый двор превратился в трактир; верхний этаж обгорел, крыша стала желтой от

ржавчины, навес мало-помалу обвалился, но на дворе в грязи все еще валялись громадные, жирные свиньи, розовые, отвратительные» [21, т. 9: 143].

«<...> вчера резали свинью, и громадные пятна были на снегу, на санях и даже одна сторона колодезного сруба была обрызгана кровью, так что если бы теперь вся семья Якова была в крови, то это не могло бы показаться подозрительным» [21, т. 9: 154].

Таким образом, в рассказе «Убийство» «про-сахалинено» и центральное событие (убийство), и место действия в эпилоге, и действующие лица – пригнанные сюда с разных концов России, нередко в результате судебных ошибок, замученные тоской по родине и каторжным трудом. Вне сомнения, этот рассказ вызван к жизни сахалинскими впечатлениями Чехова. Но, что интересно, писатель не поместил его в сборник «Палата №6», не печатал с «сахалинскими» вещами. Значит, есть что-то, отличающее его от рассказов сборника, выводящее это произведение за его рамки. Как верно отмечает Н.Н. Соболевская, в «Убийстве» «мы имеем дело со своеобразной вариацией «нравственного обновления» человека. Чехов не пишет, к какой вере пришел Яков Терехов. Но если в прошлом у него было братоубийство, яростная нетерпимость к инаковерующим, то возможно предположить отрицание, осуждение былых взглядов, полный или частичный пересмотр их на новой почве более терпимого отношения к людям. Страдание героя превращается в сострадание к тому, кто стоит рядом, а потом и к самым дальним» [3:61]: «С тех пор, как он пожил в одной тюрьме вместе с людьми, пригнанными сюда с разных концов, – с русскими, хохлами, татарами <...>, и с тех пор, как прислушался к их разговорам, наглядясь на их страдания, он опять стал возноситься к богу, и ему казалось, что он, наконец, узнал настоящую веру... и хотелось жить, вернуться домой, рассказать там про свою новую веру и спасти от погибели хотя бы одного человека и прожить без страданий хотя бы один день» [21, т. 9: 160]. Каждый человек, даже оступившийся, стоит того, к чему он приходит путем мучительнейших поисков. Мысль, возникающую в финале рассказа: человек исцеляется болью («Всё уже он знал и понимал, где бог и как должно ему служить, но было непонятно только одно, почему жребий людей так различен, почему эта простая вера, которую другие получают от бога даром

вместе с жизнью, досталась ему так дорого, что от всех этих ужасов и страданий, которые, очевидно, будут без перерыва продолжаться до самой его смерти, у него трясутся, как у пьяницы, руки и ноги? Он вглядывался напряженно в потемки, и ему казалось, что сквозь тысячи верст этой тьмы он видит родину, видит родную губернию, свой уезд, Прогонную, видит темноту, дикость, бессердечие и тупое, суровое, скотское равнодушие людей, которых он там покинул; зрение его туманилось от слез, но он всё смотрел вдаль, где еле-еле светились бледные огни парохода, и сердце щемило от тоски по родине, и хотелось жить, вернуться домой, рассказать там про свою новую веру и спасти от гибели хотя бы одного человека и прожить без страданий хотя бы один день» [21, т. 9: 160]) Н.Н. Соболевская считает главной, и мы с

ней согласны. Яков Терехов вновь обращается к вере, но вере, трансформированной пережитыми страданиями [3: 62].

После наблюдения за бедами и страданиями людей на каторжном острове Чехов утверждает в мысли о том, что каждый человек, даже оступившийся, имеет право на нравственное воскрешение и жизнь. Ведь именно это и происходит с Яковом Тереховым в рассказе «Убийство».

Мы считаем, что в «Острове Сахалин» обозначается новое качество поэтики, которое проявляется в послесахалинских произведениях – темы «жизни-страдания» и «жизни-тюрьмы» продолжают трагически осмысливаться автором и воплощаются в «Палате №6», «Страхе», «Убийстве», «Дуэли» с помощью натуралистических приемов и средств.

10.06.2010

Список использованной литературы:

1. Роскин, А.И. Статьи и очерки / А.И. Роскин. – М.: Гослитиздат, 1959.
2. Варшавская, К.О. Введение в чеховедение: семинарий по прозе А.П. Чехова / К.О. Варшавская. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1993.
3. Соболевская, Н.Н. Сибирско-сахалинская тема в прозе А.П. Чехова / Н.Н. Соболевская // Развитие повествовательных жанров в литературе Сибири. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1980.
4. Громов, М.П. Повествование Чехова как художественная манера / М.П. Громов // Современные проблемы литературоведения и языкознания. – М.: Наука, 1974.
5. Катаев, В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации / В.Б. Катаев. – М.: Изд-во МГУ, 1979.
6. Чудаков, А.П. Поэтика Чехова / А.П. Чудаков. – М.: Наука, 1971.
7. Семанова, М.Л. Чехов-художник / М.Л. Семанова. – М.: Просвещение, 1976.
8. Сухих, И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова / И.Н. Сухих. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
9. Линков, В.Я. Художественный мир прозы А.П. Чехова / В.Я. Линков. – М.: Изд-во МГУ, 1982.
10. Цилевич, Л.М. Сюжет чеховского рассказа / Л.М. Цилевич. – Рига: Звайгэне, 1976.
11. Тюпа, В.И. Художественность чеховского рассказа / В.И. Тюпа. – М.: Высш. школа, 1989.
12. Бердников, Г.П. Чехов А.П.: Идеи и творческие искания / Г.П. Бердников. – Л.: Худож. литература, 1970.
13. Бердников, Г.П. Чехов и Достоевский / Г.П. Бердников // Вопросы литературы. – 1984. – №2.
14. Полоцкая, Э.А. После Сахалина / Э.А. Полоцкая // Чехов и его время. – М.: Наука, 1977.
15. Полоцкая, Э.А. Чехов А.П.: Движение художественной мысли / Э.А. Полоцкая. – М.: Сов. писатель, 1979.
16. Гурвич, И.А. Проза Чехова (Человек и действительность) / И.А. Гурвич. – М.: Худож. литература, 1970.
17. Турков, А.А. Чехов и его время / А.А. Турков. – М.: Сов. Россия, 1980.
18. Потапенко, И.Н. Несколько лет с А.П. Чеховым / И.Н. Потапенко // Чехов в воспоминаниях современников. – М.: Гослитиздат, 1960.
19. Цит. по: Крестинская, Т.П. Сахалинская тема у Чехова / Т.П. Крестинская // Учен. зап. (Новгородский пед. ин-т): Изд-во Новгородского пед. ин-та – 1967. – Т. 20.
20. Чехов, М.П. Антон Чехов и его сюжеты / М.П. Чехов. – М.: Типогр. «9-е Января», 1923.
21. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. – М.: Наука, 1974–1983. – Сочинения.
22. Шукин, С. Из воспоминаний об А.П. Чехове / С. Шукин // Русская мысль. – 1911. – №10.
23. Скабичевский, А.М. Литературная хроника / А.М. Скабичевский // Новости и биржевая газета. – 1895. – №330. – 30 ноября.
24. Николаев, Ю. Литературные заметки / Ю. Николаев // Московские ведомости. – 1895. – №323. – 23 ноября.
25. Николаев, Ю. Литературные заметки / Ю. Николаев // Московские ведомости. – 1895. – №337. – 7 декабря.
26. Сементковский, Р.И. Что нового в литературе? Критические очерки / Р.И. Сементковский // Ежемесячные литературные приложения к «Ниве». – 1896. – №1.
27. Полтавский, М. (Дубинский, М.И.) Литературные заметки / М. Полтавский // Биржевые ведомости. – 1895. – №344. – 15 декабря.
28. Lolo (Муншштейн, Л.Г.). Страничка из письма / Л.Г. Муншштейн // Новости дня. – 1895. – №4475. – 23 ноября.

Сведения об авторе: Проваторова Ольга Николаевна, преподаватель кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета кандидат филологических наук
460018, г. Оренбург, пр. Победы, д.13, ауд. 1106, тел. (3532) 372436, e-mail: rusfil@mail.osu.ru;
e-mail: olgaprovorova@yandex.ru